

Диск № 6

Первое заседание по делу Жени Беркович и Светланы Петрийчук длилось десять часов. Видео спектакля военный суд смотреть не захотел

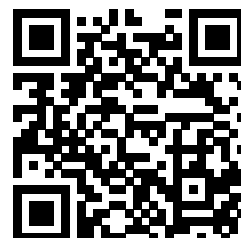

Женя Беркович и Светлана Петрийчук во время заседания. Фото: Светлана Виданова / «Новая газета»

10:27, 21 мая 2024,

Наталия Савоськина

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Во 2-м Западном окружном военном суде в Лефортово 20 мая начали рассматривать по существу дело режиссерки Жени Беркович и драматурга Светланы Петрийчук за пьесу и спектакль «Финист Ясный Сокол», в котором прокуратура увидела «оправдание терроризма» (статья 205.2 УК часть 2).

Это у нас впервые. Художников судить за искусство в военном суде. Невыносимо было целый год ждать начала этого звездного иммерсива, а теперь малодушно страшно ехать на него — потому что надежды нет. Суд должен пройти в беспрецедентно сжатые сроки — за четыре дня назначено рассмотреть дело, по которому следствие год писало обвинение.

Смотрю на излучающую понимание и принятие Свету в белой майке с маяком, на Женю — в пиджаке с безупречной линией плеча поверх нежнейшей шелковой блузки, которая минуту назад показала язык на протокольной съемке... И думаю, что как же хорошо, что аквариум тут большой, оттуда всех видно, как же хорошо, что их в СИЗО не мучают (наверное), и с какой непробиваемой, золотого запаса естественностью, без бравады активистов-героев, без затравленности и усталости, без потухшего от нездоровья и невыносимости взгляда они держатся после года жизни в неволе.

В этот момент где-то в Каннах с плакатом за Женю и Свету стоит Кирилл Серебренников, за год пьесу «Финист...» перевели на 13 языков и прочли публично 38 раз, три раза издали, в Греции состоялась премьера. Весь мир за них, кроме Родины.

Кирилл Серебренников держит фотографию в поддержку Евгении Беркович и Светланы Петрийчук на фотосессии съемочной группы фильма «Лимонов, баллада об Эдичке» в рамках 77-го международного Каннского кинофестиваля. Фото: Shootpix / АВАСА

Пристав предупреждает, что кто будет хлопать, кричать — в зал не войдет. Всю эту поредевшую от режима и понедельника толпу, которая была на деле «Седьмой студии», вместил самый большой зал старомодного петровского особняка с массивными деревянными завитками на велюровых креслах. Только что приехавшая мама Жени Елена Эфрос — в первом ряду. «Условия более-менее», — говорит она про СИЗО «Печатники».

Все ждут начала спектакля в душном зале: молодой, с любопытствующим взглядом судья Юрий Массин, еще не вросший в эти кресла (всего пару раз он в этом суде); секретарь суда в пиджачке, как неузнанный персонаж из фильма «Мим», спрятавшийся за монитором; молодая гособвинитель Екатерина Денисова, если бы не маникюр неактуальной острой формы и погоны на голубой рубашке, с виду она могла бы быть одной из нас — с кудряшками, в очках, подтянутая современная

москвичка, наверняка любит театр.

Три защитницы: Ксения Карпинская, Светлана Орешникова и Мария Куракина (вместо адвоката Петрийчук Сергея Бадамшина, который не может присутствовать до 22 мая).

В «аквариуме» за тремя нашими фемидами хорошо видны лица подсудимых в щели, образуемой двумя железными балками, — кажется, такой крупный план в кино называется «американским», когда лицо обрезано сверху и снизу. Я не видела, чтоб так вели себя политзаключенные, как будто этой — четвертой — стены нет.

То есть ее нет между сценой и залом, а тут она есть, но девочки так держатся, что ее между нами нет. Они взрослые и равны себе, им не нужна толпа перед судом, у них тетрадки вместо смартфонов и мир в кармане, учителя — Гремина и Угаров, Нина Катерли, дети и любимые, «Любимовка» и «маски», — все, все золотое. Поэтому и не ждут запрещенных оваций на проходе в зал, и пристав-блондин Губарев М.Н. — тоже готовый персонаж варьете, боровшийся год назад против песен Михаила Кригера и заслуженных оваций, — теперь только запрещает снимать на телефоны и тут же разоблачает журналиста «Новой» Воробьеву, которая сменила телефон на камеру... Женя и Света слегка улыбаются близким среди слушателей, но ничего не показывают и не кричат тем, кто собрался.

Женя отвечает при установлении личности, что на иждивении две несовершеннолетние дочери и бабушка (осталась одна) 90-летняя. У Петрийчук — родители и младшая сестра на иждивении.

— **Состояние здоровья?**

— Хм. Удовлетворительное. (Женя)

— **Готовы ли к заседанию?**

— Ну зависит от того, что будет происходить. (Женя)

Показания давать — будут. Из зала уходят четверо свидетелей (как ни странно, обвинения) — актрисы и друзья (смешная Мариэтта Цигаль-Полищук с двумя дульками на голове огибает телом периметр «аквариума», отвечая судье, как будто это и правда тизер иммерсивного спектакля).

Защитница Беркович Орешникова заявляет (Карпинская поддерживает), что к их недавнему ходатайству о прекращении

уголовного дела не было принято приложение с характеристикой личности ее подзащитной, которое почему-то пропало из материалов дела, и просит ее приобщить.

Мария Куракина заявляет ходатайство адвоката Петрийчук Бадамшина, который отсутствует с 17 по 21 мая, чтобы допрос свидетелей проводился при нем. Он еще 3 мая уведомил суд о невозможности присутствовать сегодня, но вот все равно начали без него.

Прокурор возражает против фото- и видеофиксации в процессе и против приобщения приложения. Но судья Массин приобщает. Адвокаты Беркович договариваются, что при оглашении личных данных (обсуждение здоровья) приемных детей попросят выйти из зала.

И дальше прокурор Денисова начинает зачитывать обвинительное заключение фирменной скороговоркой — бомбит быстрее, чем можно осознать.

«Беркович и Петрийчук обвиняются в том, что они совершили публичное оправдание терроризма и пропаганду терроризма, совершенные с использованием телекоммуникационной сети, в том числе сети Интернет, а именно... в точно не установленное следствием время, не позднее 5 августа 2019 года, находясь в неустановленном следствием месте, у Петрийчук, имеющей идеологические убеждения, связанные с оправданием и пропагандой терроризма, исповедуя идеологию насильственного воздействия на органы государственной власти и органы управления, для вовлечения населения в иные формы противоправных

действий, конституционные основы, достоверно зная о функционировании на территории Сирийско-Арабской республики Исламского государства, испытывая чувство искаженного религиозного единства, достоверно зная о признании указанной организации террористической в РФ, возник преступный умысел, направленный на публичное оправдание и пропаганду терроризма путем написания пьесы, содержащей в себе признаки оправдания и пропаганды терроризма».

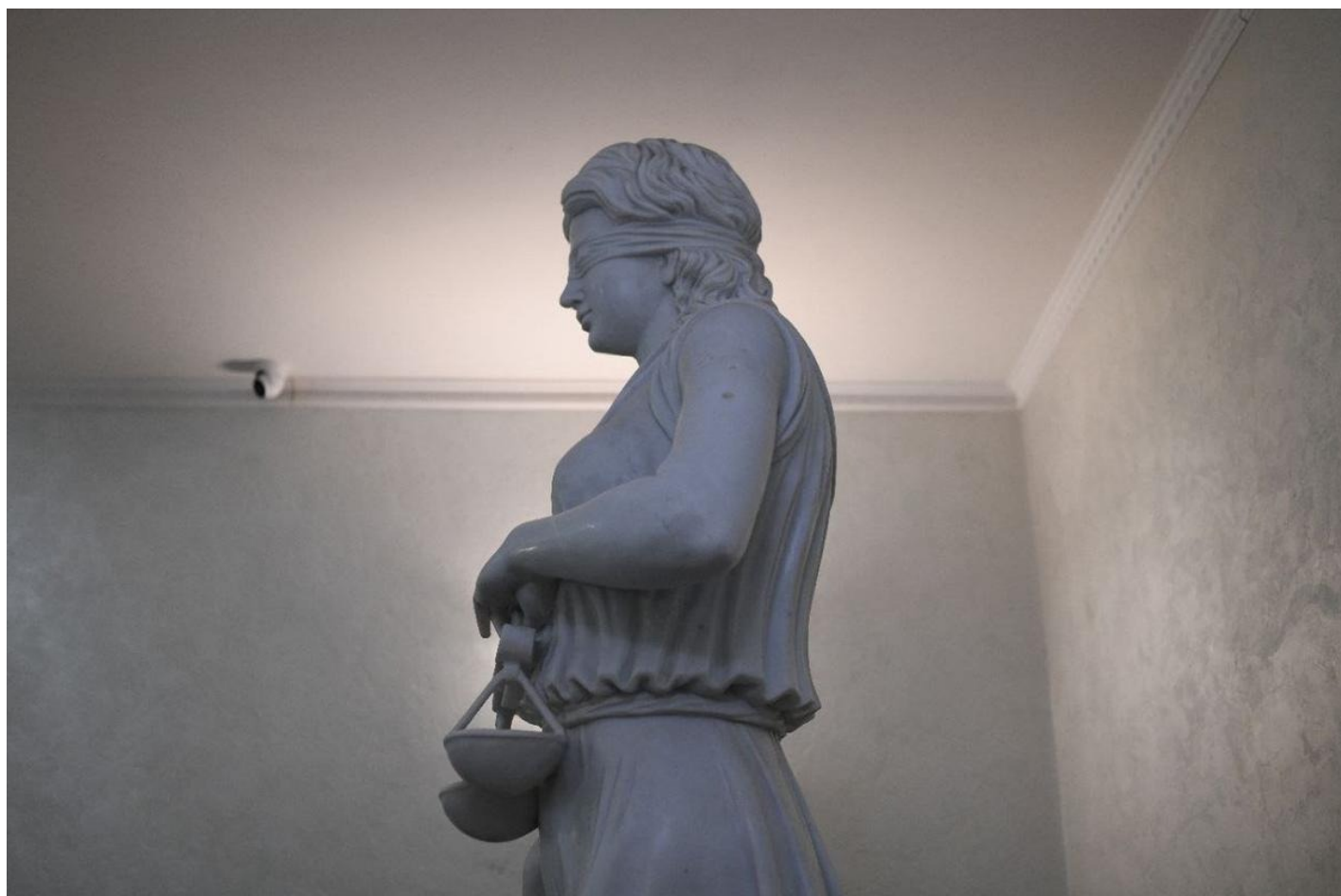

Фото: Светлана Виданова / «Новая газета»

«Разделяя крайне агрессивные формы идеологии ислама», «сформировав для себя положительное мнение» об ИГИЛ, она написала «Финист Ясный Сокол» с признаками оправдания

терроризма. Затем она обратилась к неустановленному лицу, не осведомленному о преступном умысле, чтобы распространить пьесу на фестивале «Любимовка», в том числе через онлайн-трансляцию. 5 августа 2019 года текст пьесы появился на сайте «Любимовки».

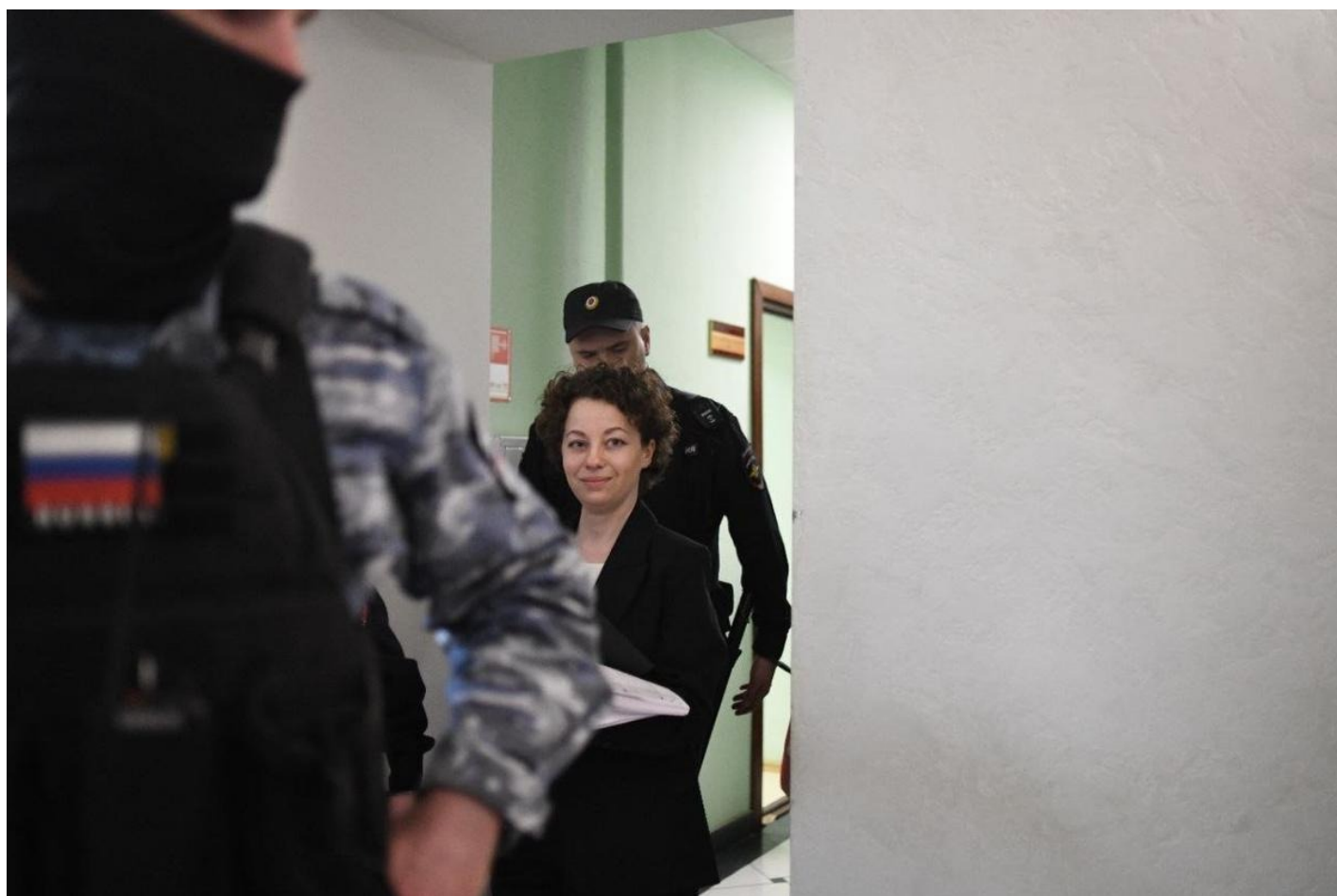
Евгения Беркович прочитала, и у нее тоже возникла преступная мысль на «публичные заявления о признании идеологии исламского терроризма правильной, нуждающейся в поддержке и подражании, а также распространении материалов и информации, направленных на формирование лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности и представления о допустимости осуществления террористической деятельности».

Далее не позднее сентября 2019 года она в пространстве «Внутри» предложила Петрийчук поставить спектакль. Так они, по мнению следствия, вступили в предварительный преступный сговор поставить пьесу на различных площадках перед неограниченным числом лиц, а также опубликовать пьесу и видеозапись спектакля в сети — «разработали преступный план публичного преступления».

«Преступная роль Петрийчук заключалась в предоставлении текста пьесы актрисам, осуществлении контроля на репетициях за правильностью произношения и последовательностью исполнения актрисами текста пьесы». «Преступная роль Беркович заключалась в подборе актрис и технического персонала для постановки пьесы, поиска площадки для репетиции спектакля, обеспечении процесса, контроле за распространением публикаций о пьесе». Так они, осознавая преступность замысла, создали театральную компанию «Дочери Сосо» (из неосведомленных лиц) не позднее 19 октября 2019 года и показывали пьесу на разных площадках Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга («неустановленным способом произвели показ») с 20-го по 22-й год. И постоянно они при этом

находились «под воздействием идеологии Исламского государства*», как следует из цитат обвинения той самой деструктологической экспертизы. Осенью 2019 года неустановленное лицо записало спектакль на видео, которое потом выложили на канале фестиваля «Любимовка» на YouTube. Пьеса «Финист Ясный Сокол» содержит оправдание террористической деятельности под видом (согласно заключению эксперта номер 686 от 24 ноября 23 года) религиозной идеологии, пропагандируемой радикальными исламистскими организациями джихадистского направления...» — и все в таком духе.

«Таким образом, — заканчивает обвинение прокурор Денисова, — Беркович и Петрийчук совершили преступление по 205.3, часть 2».

Женя Беркович в сопровождении приставов во Втором Западном окружном военном суде. Москва, 20 мая 2024 года. Фото: Светлана Виданова / «Новая газета»

Кажется, всем трудно собраться с мыслями после услышанного,

а Женя уже отвечает по записям в блокноте:

«Ваша честь, мне непонятна постановка вопроса. Значение слов понятно, я достаточно хорошо знаю русский язык и умею на нем читать, но непонятно, какое отношение этот набор слов имеет непосредственно ко мне.

Во-первых, я услышала «Беркович Евгения Борисовна, имеющая идеологические убеждения, связанные с оправданием терроризма, и дальше... Беркович Е.Б., разделяя крайне агрессивные формы ислама, исповедуя идеологию насильственного воздействия на органы государственной власти, местного самоуправления и так далее, через участие в незаконных вооруженных бандформированиях в незаконных террористических организациях и так далее... испытывая чувства искаженно трактуемого религиозного единства... и его участников...» Я хочу сказать, что ни в 2019 году, ни раньше, ни позже, ни сейчас не разделяла крайне агрессивные формы ислама, не испытывала чувства религиозного единства с его лидерами и участниками, не имела идеологических и религиозных убеждений, хоть как-то связанных с оправданием терроризма. Более того, я никогда не разделяла никаких «форм ислама», ни радикальных, никаких. Я испытываю уважение к мирным законопослушным представителям ислама, как и к любым представителям разных религиозных, этнических, национальных групп. К террористам, какими бы идеями они ни прикрывались, не испытываю ничего, кроме осуждения и отвращения.

То есть, по утверждению следователя, я была как минимум с 2019 по 2020 год не просто мусульманкой, а еще и радикальной. Не нужно быть специалистом по исламу, чтобы знать: не существует религиозная мусульманская женщина в природе, которая бы не соблюдала правил в ношении одежды, еды и образа жизни. Я никогда не носила хиджаб. Я состою в светском браке с нерелигиозным мужчиной и гражданином РФ. Я ем свинину, фотографируюсь на пляже. Когда я переехала в Москву в 2008 году, поступила в театральный институт, я вела совершенно прозрачную жизнь. Я была на виду у десятков, сотен людей, в том числе не самых доброжелательных, вот такая особенность творческих людей. Так не бывает — быть незамеченной исламисткой. Законы, по которым живет светская женщина, которая тем более является православной христианкой в моем случае, исповедуется и причащается, не позволяют ей быть мусульманкой. Невозможно при всем вышесказанном быть исламисткой.

Я не покрываю головы своих детей, хотя по возрасту они бы должны были носить платок, если бы жили в мусульманской традиции. Я лично четыре раза давала показания следователю: в качестве свидетеля и обвиняемой. Следствие в принципе ни разу не интересовалось никакими моими религиозными убеждениями.

Кроме того, 4 мая 2023 года в моей квартире в моем присутствии был проведен обыск. Там не было обнаружено ничего, что могло бы указывать на мою связь с радикальным исламом.

Я уверена, что эта формулировка появилась в материалах дела только потому, что следствию, в конце концов, нужен какой-то мотив, и поэтому в последний момент, перед тем, как передать дело в суд, не найдя никаких иных доказательств, просто механически вставили в дело эту стандартную для других дел формулировку, полагая, что «так сойдет». Надеюсь, что не сойдет. Множество странных формулировок и нестыковок в тексте обвинения. *(Приводит в пример причинно-следственную путаницу с датами в двух местах на одной странице, примеров намного больше. — Н. С.)*. Все это говорит о том, что следствие не пыталось проявить даже элементарную логику и разобраться в том, что такое «показать спектакль» и «поставить спектакль».

...Я понимаю, что все в школе принимали участие в театральных сценках. Расследование ведется больше года, мы сидим в тюрьме, и за это время не разобраться ни в одном слове, ни с технологиями, как сделан мой спектакль, — это значит просто выдавать некачественный материал по принципу «и так сойдет». Не установить дату единственного открытого показа на сложнейшем огромном региональном фестивале в Екатеринбурге («Мы никуда не прятались, не скрывались»). У нас нет Гугла, а у следствия есть — что за «неустановленное время»?

Согласно обвинению, важная часть моей преступной роли — не просто призывы к совершению террористической деятельности, а распространение с помощью телекоммуникационных сетей и т.д. Я лично никогда нигде ничего не публиковала, ничего не передавала с целью их размещения. Тем более

неустановленное лицо опубликовало видео спектакля уже после нашего ареста. Это голословное обвинение. Я поставила спектакль с целью профилактики терроризма. Он таким и получился. И так же у нас нет ущерба, нет состава преступления. Считаю этот документ обвинения незаконным».

Судья: «Виновной себя признаете?»

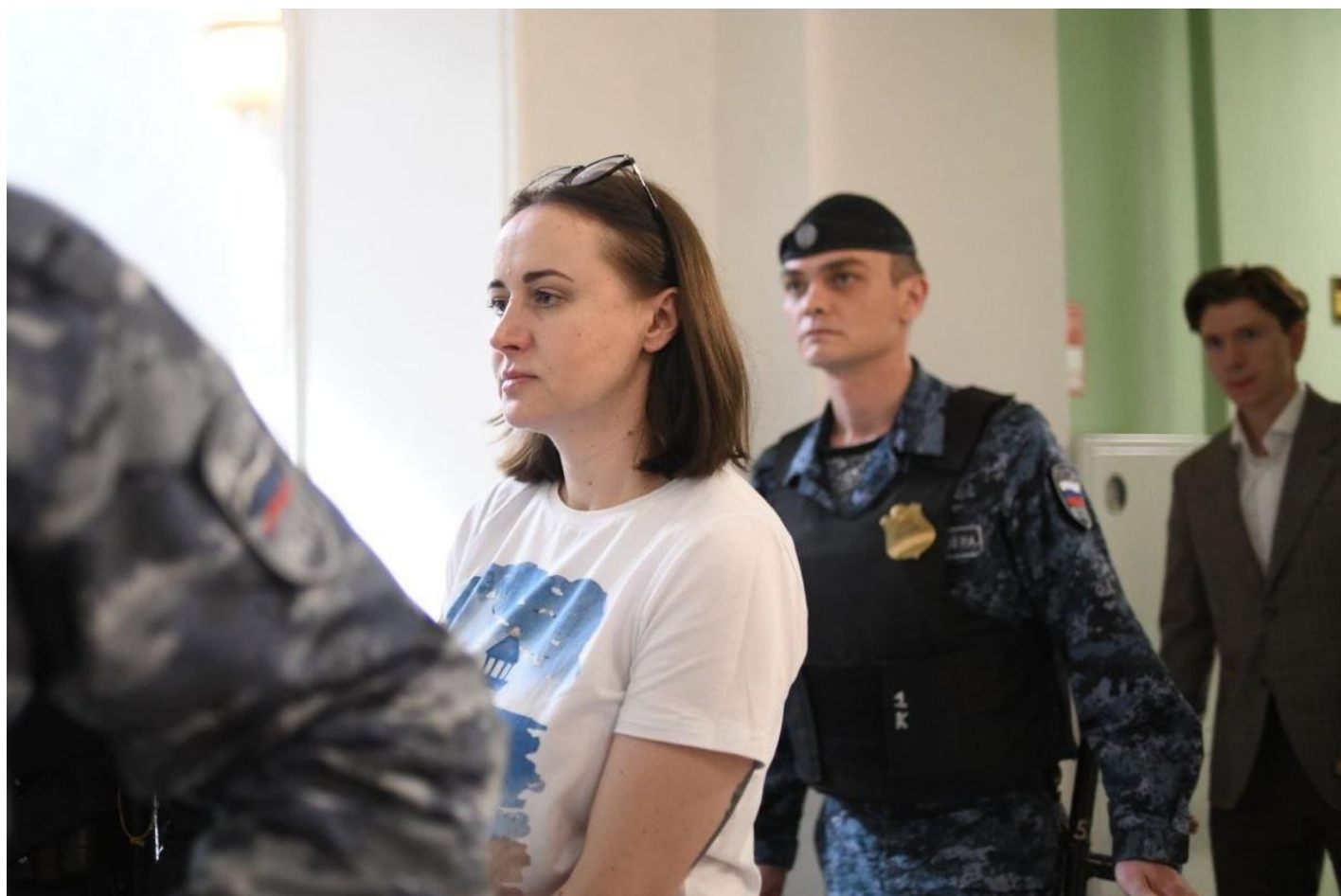
Женя: «Не признаю».

Защитники Карпинская и Орешникова согласны: «Обвинение незаконно, не обоснованно, не основано на материалах дела, является домыслом следствия».

Судья — Петрийчук: «Вам понятно обвинение?»

Света: «Ваша честь, мне сложно здесь оперировать словом «понятно», я к словам Евгении добавлю одно предложение про особенность нашего дела. Я не специалистка, но мне кажется, что исламские радикалы менее всего бы пользовались современным театром для продвижения своих идей, они этот вид искусства вообще запрещают. Поэтому — это шаблон чьего-то дурного ума. В пьесе нет никакого оправдания терроризма. Виновной себя не признаю».

Далее прокурор предлагает исследовать письменные доказательства — семь томов дела (восьмой том оказался состоящим из одной справки). Защитники удивлены: почему же мы не посмотрим запись спектакля? Вот же он, на диске номер шесть. Но желания у суда не возникло.

Светлана Петрийчук в сопровождении приставов во Втором Западном окружном военном суде. Фото: Светлана Виданова / «Новая газета»

Заседание 20 мая длилось 10 часов, за это время скороговоркой были озвучены документы из семи томов — две знаменитые экспертизы, протоколы обысков и описаний сайта спектакля, похожие на инструкцию к сети Интернет. Допрошены два свидетеля. И по ходатайству Карпинской допрос остальных вызванных свидетелей — актрис спектакля перенесен на 10 утра следующего дня, 21 мая.

Судья показательно выразил обеспокоенность тем, что девушки не успели пообедать, — как будто он не знает, что на сборку в суд подъем в пять утра, до завтрака, в камере подсудимые окажутся в лучшем случае в час ночи. Он сказал, что они должны требовать соблюдения своих прав.

Адвокат Карпинская в комментариях после суда выражала удивление, что за весь длинный судебный день «мы не слышали ни одной цитаты из «преступной» пьесы» и вместо

просмотра записи спектакля были заняты зачитыванием «творчества» следователей и оперативников. Ее коллега посетовал, что это выбор прокурора — как представить в суде материалы дела.

* Признано судом террористической организацией, запрещено в РФ.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Кто там спрятался за «Золотой маской»?](#)

Антитеррористический спектакль посчитали «оправданием терроризма»: разбор дела Беркович-Петрийчук перед началом абсурдного суда

10:06, 20 мая 2024, Зоя Светова